

Научная статья

УДК 910.1

doi: 10.17072/2079-7877-2023-1-72-83

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ НАСЕЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПОВЕДЕНЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

Татьяна Анатольевна Балина^{1✉}, Вячеслав Алексеевич Столбов²^{1, 2}Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь, Россия¹ t_balina@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-2673-0119>² Stolbov210857@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9166-5133>

Аннотация. В статье раскрываются теоретические и методологические вопросы изучения социального самочувствия населения как одного из индикаторов состояния территориальной общности людей. В качестве научного фундамента исследования выступает поведенческая география, которая представлена как относительно новая и динамично развивающаяся ветвь общественной географии. Подчеркиваются связь социальной географии с бихевиористской, культурной, гуманитарной географией, особенности подходов и методов, показано предметное пересечение и взаимообогащение с социологией, культурологией, психологией и другими смежными науками. Усиление социальных приоритетов в развитии общественной географии порождает необходимость поиска источников роста человеческого капитала, его социальной компоненты, что находится в фокусе внимания поведенческой географии. Методологической основой при изучении социального самочувствия населения в поведенческой географии принимается территориальная общность людей, представляющая собой концептуальную модель социума. Обоснована необходимость применения новых методов географической диагностики качества жизни через ряд индикаторов, среди которых предпочтению отдано социальному самочувствию. В статье раскрывается понятие «социальное самочувствие населения» как совокупность параметров, характеризующих состояние территориальной общности людей, предложены методы его диагностики и мониторинга, показана ведущая роль социологических методов в исследовании данного вопроса. Представлены результаты исследований, проводимых в Пермском крае в режиме мониторинга за период с начала 1990-х гг. до 2021 г. Верифицирована роль диагностики и оценки самочувствия членов социума как важного фактора сохранения человеческого капитала, социального развития страны и региона.

Ключевые слова: поведенческая география, качество жизни населения, человеческий капитал, территориальная общность людей, социальное самочувствие, Пермский край

Для цитирования: Балина Т.А., Столбов В.А. Социальное самочувствие населения в контексте поведенческой географии // Географический вестник. 2023. № 1(64). С. 72–83. doi: 10.17072/2079-7877-2023-1-72-83.

Original article

doi: 10.17072/2079-7877-2023-1-72-83

SOCIAL WELL-BEING OF THE POPULATION IN THE CONTEXT OF BEHAVIORAL GEOGRAPHY

Tatiana A. Balina^{1✉}, Vyacheslav A. Stolbov²^{1, 2}Perm State University, Perm, Russia¹ t_balina@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-2673-0119>² Stolbov210857@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9166-5133>

Abstract. The article deals with the theoretical and methodological issues of studying the social well-being of the population as one of the indicators showing the state of the territorial community of people. The scientific foundation of the study is behavioral geography, which is presented as a relatively new and dynamically developing branch of human geography. The paper emphasizes the connection of social geography with behavioral, cultural, and humanitarian geography, the features of approaches and methods; the subject intersection and mutual enrichment with sociology, cultural studies, psychology, and other related sciences are shown. The strengthening of social priorities in the development of social geography necessitates search for sources of growth in human capital, its social component, which is the focus of behavioral geography. The methodological basis for studying the social well-being of the population in behavioral geography is the territorial community of people, representing a conceptual model of the society. The authors substantiate the need to apply new methods of geographical diagnostics of the quality of life through a number of indicators, among which social well-being is to be preferred. The article presents the concept of 'social well-being of the population' as a set of parameters that characterize the state of the territorial community of people, suggests methods for conducting its diagnostics and monitoring, and shows the leading role of sociological methods in the study of this issue. The results of studies conducted in the Perm region in the monitoring mode for the period from the early 1990s to 2021 are presented. The role of diagnosing and assessing the well-being of members of the society as an important factor in the preservation of human capital and the social development of the country and the region has been verified.

Экономическая, социальная и политическая география
Балина Т.А., Столбов В.А.

Keywords: behavioral geography, quality of life of the population, human capital, territorial community of people, social well-being, Perm region

For citation: Balina T.A., Stolbov V.A. (2023). Social well-being of the population in the context of behavioral geography. *Geographical Bulletin*. No. 1(64). Pp. 72–83. doi: 10.17072/2079-7877-2023-1-72-83.

Введение

Процесс гуманизации социально-экономической географии идет в нескольких направлениях. Одним из таких направлений является формирование новых научных дисциплин: поведенческая география, география восприятия (геософия), геоника (образы пространства), геногеография, география образа жизни, география культуры, электоральная география и др. Все они входят в систему географических наук, так как изучают отдельные грани единого объекта – географической материи – сферы жизнедеятельности людей [20]. Для них характерны общие объекты познания (геосистемы), пространственный и комплексный подходы, социально-географические методы изучения жизненного пространства и поведения людей в разных средах и ситуациях (исследование жизнедеятельности малых групп и отдельных индивидуумов). Каждая из этих дисциплин активно контактирует с социологией, психологией, экологией, этнографией (этнологией), культурологией, этикой, эстетикой и другими науками.

Поведенческая география корнями уходит в бихевиористский подход социально-географических исследований, который позволяет раскрыть причины того или иного поведения человека и оптимизировать условия жизнедеятельности с точки зрения общественных приоритетов, территориальных интересов, минимизации затрат сил и времени. Поведение людей связано с межличностными отношениями, отношением членов социума к окружающей среде, формированием разных форм территориальной организации жизни общества. При этом человек, как биосоциальное существо, руководствуется биологическими инстинктами, нравственными нормами, общественными установками, сознанием и волей.

Поведенческая география вносит существенный вклад в научное объяснение пространственной организации общества, практическое конструирование территориальных общественных систем разного иерархического уровня. Она заметно расширяет «границы» социально-экономической географии, трансформируя ее в общественную и гуманитарную. Социальные аспекты поведения людей диалектически сочетаются со всеми сферами их жизнедеятельности, включая экономическую, политическую, демографическую, экистическую и пр., что консолидирует всю систему общественно-географических знаний.

Необходимо подчеркнуть, что профессор А.И. Алексеев еще в начале 1990-х гг. отмечал, что современная география отвечает на вопросы: «Кто живет?», «Где живет?», «Как живет?», «В каких условиях живет?» и, что очень важно в контексте нашей работы, «Как воспринимает жизнь?» [1].

Исходя из этого поведенческая география существенно расширяет теоретико-методологический спектр изучения территориальных особенностей жизни населения, помогает выявлять причинно-следственные связи между социально-экономическими и духовно-поведенческими аспектами, обогащает методический аппарат диагностики социальной ситуации, позволяет оценить благополучие населения через социальное самочувствие. Благополучие населения, его физическое, социальное и психическое здоровье служат залогом неуклонного роста человеческого капитала.

Объектом исследований выбрана территориальная общность людей (ТОЛ), принимаемая в качестве консолидирующего ядра, полюса отношений «природа-общество» территории (региона).

Представляя собой самостоятельную ячейку территориальной структуры общества, ТОЛ включает в себя конкретную группу населения со всеми ее характеристиками, определяющими особенности поведения, менталитета, традиций, культурной среды, социального самочувствия.

Материалы и методы

Поведение людей в географическом пространстве отражает их биосоциальную сущность. Каждый человек несет в себе черты биологического и социального существа, проявляющиеся в интересах, потребностях, способностях, мировоззрении, идеалах, взглядах, мотивах, деятельности и т.д. Поведение понимается как процесс взаимодействия живых существ со средой с целью приспособления к ней и (у человека) ее активное изменение [25]. В таком случае реализуются пассивная и (или) активная преобразовательная функция человека.

Специфика поведенческой географии, ее отличие от других социально-географических наук (политической, социальной, культурной, конфессиональной и пр.) заключается в особом, бихевиористском подходе и характерном наборе методов. Бихевиоризм рассматривает человека как мыслящее существо, специфически воспринимающее и анализирующее реальность. Подобный подход в географии состоит в изучении особенностей восприятия людьми (представителями различных социальных, профессиональных, половозрастных, этнических, конфессиональных групп и т.д.) окружающей среды в пределах определенных районов и местностей, их представлений об идеальных условиях обитания и предпочтений в выборе мест проживания и отдыха. Он применяется, в частности, при выявлении мотивов пространственных перемещений населения, прогнозировании миграций и др. Бихевиористский подход в поведенческой географии, основанный на представлениях необихевиоризма, получил широкое распространение в 1960-х гг. в США, Великобритании и некоторых других англоязычных странах [5].

Отечественные географы очень настороженно, а иногда и весьма отрицательно, относились к идеям бихевиористской географии и не всегда положительно воспринимали результаты исследований коллег [24]. В начале XXI столетия положение существенно изменилось и идеи бихевиоризма стали востребованными в общественно-географических исследованиях.

Важную роль в становлении поведенческой географии играет социальная экология, раскрывающая взаимодействия людей с окружающей природной средой.

Заметное влияние на поведенческую географию оказали идеи социального действия, заложенные американским социологом Т. Парсонсом [18]. Существенный вклад в развитие поведенческой географии внес немецкий и американский психолог и социолог К. Левин [15]. Он стал основоположником нового направления (теория поля), раскрывающего поведение людей в психологическом пространстве.

Английский географ У. Кирк предложил одну из первых моделей поведения, доказывая, что поступки людей зависят от особенностей восприятия ими своего окружения, а окружающая среда не просто «данная реальность», а скорее всего синтез ее с «формой», связями и особым значением, которое определяется тем, как человек ее воспринимает. Взгляд на мир при этом может серьезно исказить реальность, в значительной степени завися от ценностей, преобладающих в рамках той или иной культуры [13].

Можно утверждать, что у истоков современной поведенческой географии стояла бихевиористская география, которая стремилась объяснить пространственные формы взаимодействия человека и природы с целью их использования в общественном планировании.

Бихевиористская география основывается преимущественно на индуктивном подходе, стремящемся прийти к обобщениям на основе наблюдения происходящих процессов. Одной из первых попыток в индуктивном изучении поведения людей и накоплении информации для будущего моделирования явилась серия исследований реакции людей на стихийные бедствия. Они были осуществлены учеными Чикагского университета в конце 1950-х – начале 1960-х гг. под руководством Г. Уайта, исследовавшего среди прочего поведение людей при наводнениях [23].

Российская (советская) географическая наука с некоторым опозданием приступила к изучению поведения людей, поскольку была существенно ограничена в своих познавательных возможностях. Ряд асоциальных явлений (например, коррупция и наркомания) были недоступны для исследования вследствие закрытости информации и идеологической зашоренности, а некоторые явления считались бесперспективными для изучения из-за их отсутствия или предполагаемого отмирания в социалистической экономике (например, преступность или поведение потребителя).

Сравнительно недавно актуальным стало изучение образов пространств, что объясняется активизацией туристической деятельности, стремлением территорий стать привлекательными, началом целенаправленного формирования ими позитивного имиджа. Появились работы по изучению и моделированию географических символов и представлений [10; 28 и др.].

В последние годы все более уверенно заявляют о себе культурная, когнитивная и гуманитарная география [7; 8; 9; 19; 22 и др.]. Гуманизация географической науки привела к развитию и расширению объекта ее познания, потребовала углубления классификации и нового осмысления ее структуры [16].

В этой связи усиливается необходимость междисциплинарного подхода, проявляющегося в двух аспектах: потребность в заимствовании фактов других наук и их творческое переосмысление, верификация и анализ. Подчеркнем, что для становления поведенческой географии главную роль сыграл союз с социальными науками, имеющими значительный эмпирический багаж, особенно с такими, как психология и социология, этика, эстетика, культурология и др.

Методологические основы социальной диагностики

Считается, что поведенческая география в основном фокусирует свое внимание на индивиде в отличие от других ветвей общественной географии, стремящихся к изучению процессов на уровне социальных групп, но объяснение социальных явлений исходит непосредственно из характеристики сознания индивидов. На наш взгляд, важно опираться на пространственный подход и использовать модель «Территориальная общность людей» для перехода от индивидуального (личностного) уровня исследования к региональному, позволяющему раскрыть причинно-следственные связи территориального развития и эволюции человеческого капитала. Одним из первых отечественных ученых, глубоко и всесторонне раскрывших ТОЛ в контексте географического анализа, был А.А. Ткаченко [24].

Под ТОЛ мы понимаем пространственно локализованную совокупность людей, объединяемую системой социальных, экономических, экологических, политических, духовных и других связей, характеризующуюся единством отношений к территории проживания. Она складывается в результате пространственно-временного сочетания объективных и субъективных условий жизнедеятельности населения [2].

«Субъективизация» (восприятие субъектами) географических объектов требует широкого применения *социологических приемов и методов*, которые позволяют определить насущные потребности и интересы населения. Зачастую только результаты социологических опросов (интервью, массовое анкетирование, опросы экспертов) дают возможность выявить истинные мотивы тех или иных поступков, раскрыть интересы территориальных общностей, установить реальные перспективы принимаемых решений.

Социальная диагностика требует обязательного использования *психологического подхода*, поскольку современная экономика все больше становится социальной – экономикой знаний. Осознание высокой ценности личностных и профессиональных качеств сотрудников побуждает руководителей на поиск их эффективной мотивации, заинтересованности в квалификационном росте.

Пространственно-временная форма жизнедеятельности людей во многом является следствием разнонаправленных эволюционных тенденций. Этим определяется роль

исторического подхода к познанию и прогнозированию путей эволюции социумов. Исторический подход дает возможность определить генезис формирования ментальности социума, его традиции, поступки и правила общественного поведения, которые без ретроспекции сложно понять.

Опираясь на эти и другие подходы в рамках поведенческой географии, реализуются возможности познания интересов членов ТОЛ, степени достижения благополучия, комфортного существования, позитивного самочувствия.

Важную роль в поведенческой географии играют *методы диагностики и мониторинга*. Они позволяют выявить степень отклонения поведения людей от общественных требований самосохранения и саморазвития социумов и, поставив диагноз, предложить необходимый «курс лечения» в виде региональной политики.

Диагностика может осуществляться с двух позиций: объективной и субъективной. Первая основана на изучении данных статистики (которые могут быть признаны объективными весьма условно), отражающих уровень жизни населения (обеспеченность объектами социальной инфраструктуры, уровень материального благосостояния и т.д.). Субъективный подход подразумевает анализ условий жизнедеятельности с точки зрения удовлетворенности этими условиями, т.е. включает исследование общественного мнения. Сочетание подходов обеспечивает комплексность познания, верифицирует достоверность выводов о реальных условиях жизни людей, остроте проблем, уровне социальной напряженности, удовлетворенности жизнью, социальном самочувствии населения [3; 21].

Важным инструментом диагностики социальной ситуации остается мониторинг, который позволяет отслеживать динамику процессов и явлений, формировать и корректировать региональную политику. Пермская географическая школа, занимаясь на протяжении нескольких десятилетий социальной проблематикой регионального развития, накопила значительный опыт по изучению уровня и качества жизни населения, его благополучия и социального самочувствия.

Социальное самочувствие как субъективный критерий оценки эффективности функционирования ТОЛ

В современной мировой и отечественной науке существует достаточно много методик, позволяющих оценить качество жизни населения, например, Индексы благополучия [29], индекс счастья [30] и др. В данном исследовании в качестве индикатора состояния ТОЛ использована категория «социальное самочувствие», подробно раскрытая в работах известного представителя Пермской социологической школы В.А. Бурко [4].

Социальное самочувствие – эмоциональная оценка людьми своего общественного положения, уровня удовлетворения социально-экономических и духовных потребностей. Оно выступает индикатором состояния общества, его социальных или территориальных групп. Отражая разные стороны жизни социума, данная категория широко используется многими научными отраслями – социологией, психологией, философией и др., и каждая из них предлагает свою трактовку, раздвигая её гносеологические границы.

Социальное самочувствие населения основывается на ощущении собственного здоровья и безопасности, защищенности от разного рода стрессов и рисков: экономических (потеря работы, ухудшение материального положения), социальных (отсутствие гарантий, защищенности), политических, национальных или религиозных преследований, преступности, произвола чиновников, экологических катастроф и многого другого. Также социальное самочувствие определяется уверенностью в завтрашнем дне, безопасности своих близких, удовлетворенностью жизнью и социальным оптимизмом.

Дефиниция «социальное самочувствие», прочно войдя в научный оборот, имеет ряд синонимичных понятий: «настроение», «социальное положение», «жизненная ситуация» и

др. Поскольку социальное самочувствие становится широко употребляемой и разносторонне изучаемой категорией, то исходя из многообразия трактовок предлагаются и различные методы его оценки [11; 12 и др.].

Социальное самочувствие населения мы рассматриваем в широком спектре не только как характеристику удовлетворенности условиями жизни и деятельности населения конкретного региона, но и с позиции собственного и коллективного благополучия, стабильности политической и социально-экономической ситуации, оценки перспектив и уверенности в завтрашнем дне, ощущения защищенности со стороны государства.

При исследовании социального самочувствия должна использоваться конкретная совокупность параметров его проявления, каждый из которых содержит определенный набор эмпирических показателей и включает социальную активность, материальное положение, самореализацию, здоровье, идентификацию, социальную комфортность, эмоционально-чувственную сферу, индивидуально-личностные особенности и др. [17; 27].

В этой связи интересные результаты демонстрируют данные исследований Росстата 2019–2020 гг., посвященных приверженности населения России здоровому образу жизни (ЗОЖ). Поддержание ЗОЖ предполагало соблюдение пяти официальных условий: отсутствие курения, потребление овощей и фруктов (ежедневно в количестве не менее 400 г), адекватная физическая активность (не менее 150 мин умеренной или 75 мин интенсивной физической нагрузки в неделю), нормальное потребление соли (не более 5 г в сутки), употребление алкоголя (не более 168 г чистого спирта в неделю для мужчин и не более 84 г для женщин) [6].

По итогам 2019–2020 гг. первое место по приверженности населения ЗОЖ занимали республики Татарстан и Ингушетия. Замыкали список Республика Тыва и Камчатский край. Пермский край занимал в этом перечне далеко не почетное 47 место [14].

Социальное самочувствие не должно интерпретироваться как единственный показатель благополучия населения. Как показывают наши многолетние исследования, факторы, оказывающие непосредственное влияние на формирование социального самочувствия, очень изменчивы и могут зависеть от разнообразных объективных и субъективных причин, например, от сезонов года или политической обстановки в мире.

Диагностика и мониторинг социального самочувствия населения Пермского края

Одним из индикаторов качества жизни и состояния ТОЛ являются показатели социального самочувствия, которые мы имеем возможность рассматривать в режиме мониторинга.

Еще в начале 1990-х гг. в администрации Пермской области был создан отдел социологического мониторинга, который проводил многочисленные и разнообразные исследования, в том числе социальной напряженности, качества жизни и социального самочувствия населения. Уникальность этих исследований заключалась не только в их «пионерности», но и в том, что они позволили объединить социологов, экономистов, психологов, политологов и географов. Опросы проводились с регулярной периодичностью (ежеквартально), касались самого широкого спектра вопросов общественного развития, затрагивали глобальные, государственные, региональные и личностные проблемы. Что особенно важно, опросы проводились по верифицированной выборке с большим количеством респондентов, представляющих разные типы муниципальных образований. Территориальный отбор объектов наблюдения предполагал предварительное проведение типологии районов по уровню и качеству жизни населения. В каждом из девяти выделенных типов выбирался ключевой район, в котором непосредственно проводились опросы. Совокупная выборка респондентов составляла более тысячи человек и формировалась случайным образом по месту жительства. Результаты исследований обрабатывались в режиме

«срочного времени» и интерпретировались с привлечением широкого круга специалистов на основе современного методического аппарата, в том числе картографического моделирования, а аналитические отчеты направлялись в органы власти регионального и локального уровней.

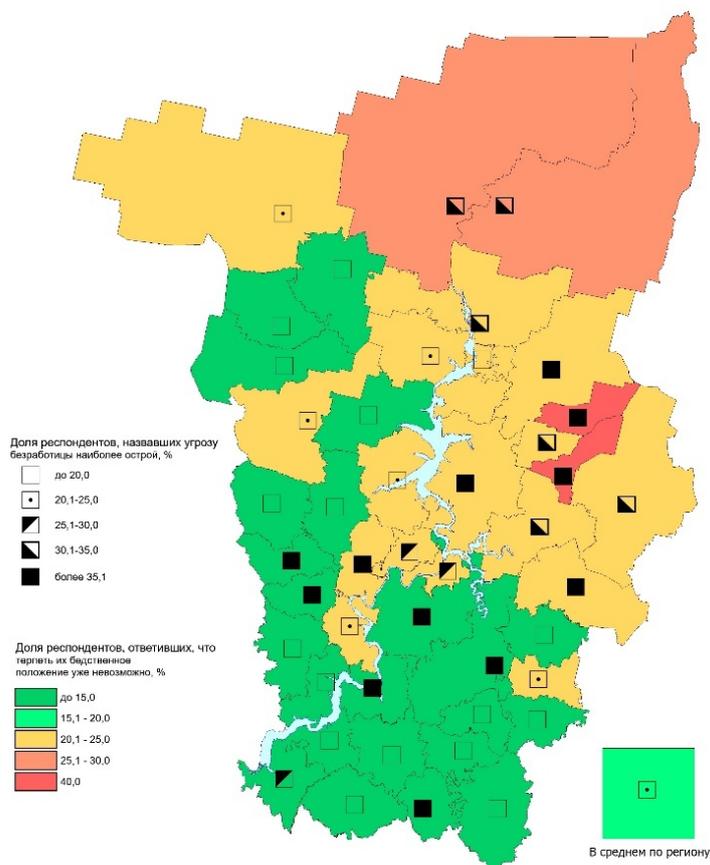

Рис. 1. Показатели социального самочувствия населения Пермской области, 1994 г.

Fig.1. Indicators of social well-being of the population of the Perm region, 1994

Был определен ряд «сквозных» вопросов, которые на протяжении всех лет мониторинговых исследований задавались респондентам: «Как вы оцениваете свою жизнь?», «Насколько вы удовлетворены своей жизнью?» и др. Ответ на вопрос «С какими чувствами Вы думаете о завтрашнем дне?» предполагал выбор одного из четырех предложенных вариантов ответа (с уверенностью, надеждой, тревогой, обреченностью), который максимально полно и точно отражал социальное самочувствие населения. В течение 1990-х гг. эти исследования проходили систематически и организовано под эгидой Администрации области, но начиная с «нулевых» годов стали фрагментарными. Принимая участие в исследованиях Сектора социологического мониторинга, мы рассматривали территориальные особенности социального самочувствия населения Пермской области, визуализируя их в виде так называемых ментальных (когнитивных) карт. Многолетние наблюдения позволяют сделать весьма интересные выводы.

Кризис девяностых коснулся практически всех отраслей экономики страны и ее регионов. Уровень и качество жизни населения снизились в связи с резким ростом безработицы и падением доходов населения. Результаты проведенных опросов выявили острую озабоченность населения сложившейся ситуацией, которая напрямую повлияла на социальное самочувствие. Так, на рис. 1 видно насколько, по мнению населения, серьезно возникла проблема безработицы в районах области и как она повлияла на показатели социального самочувствия.

Экономическая, социальная и политическая география
Балина Т.А., Столбов В.А.

В числе рассмотренных параметров определяющее влияние на социальное самочувствие населения оказала оценка людьми своего материального положения. Как видно на рис. 2, в середине девяностых годов уровень жизни населения снизился катастрофически. В целом по области почти каждый четвертый житель существовал в условиях бедности, а каждый восьмой относил себя к категории нищих («вынуждены голодать из-за нехватки денег»). Более половины населения ряда территорий (Большесосновский Гайнский Кишертский, Кудымкарский, Усольский и др. районы) имели доходы ниже уровня бедности, а периодически голодали в них до четверти респондентов. В итоге почти половина участников опроса были не удовлетворены своей жизнью, а в некоторых районах Коми-Пермяцкого округа данный показатель достигал даже 70%.

В 1990-е гг. особенно весомо ухудшилось социальное самочувствие населения монопрофильных ресурсодобывающих территорий севера области (Гайнский, Чердынский, Красновишерский районы) и Горнозаводского Прикамья (Александровского, Горнозаводского, Гремячинского, Кизеловского и других муниципальных образований). Самочувствие жителей Коми-Пермяцкого округа было особенно негативным, что объяснялось низкими доходами населения и состоянием «предбезработного» стресса.

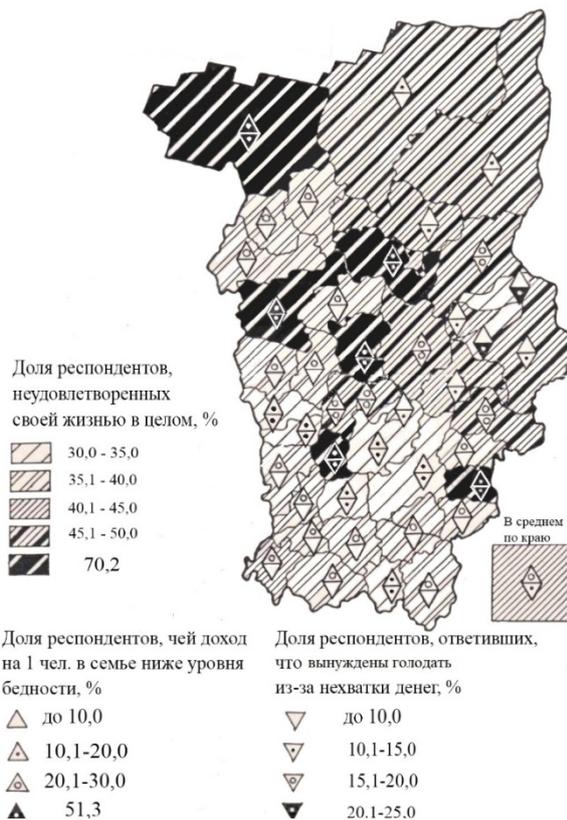

Рис. 2. Оценка населением Пермской области уровня материального благосостояния, 1995 г.

Fig. 2. Assessment of the level of material well-being by the population of the Perm region, 1995

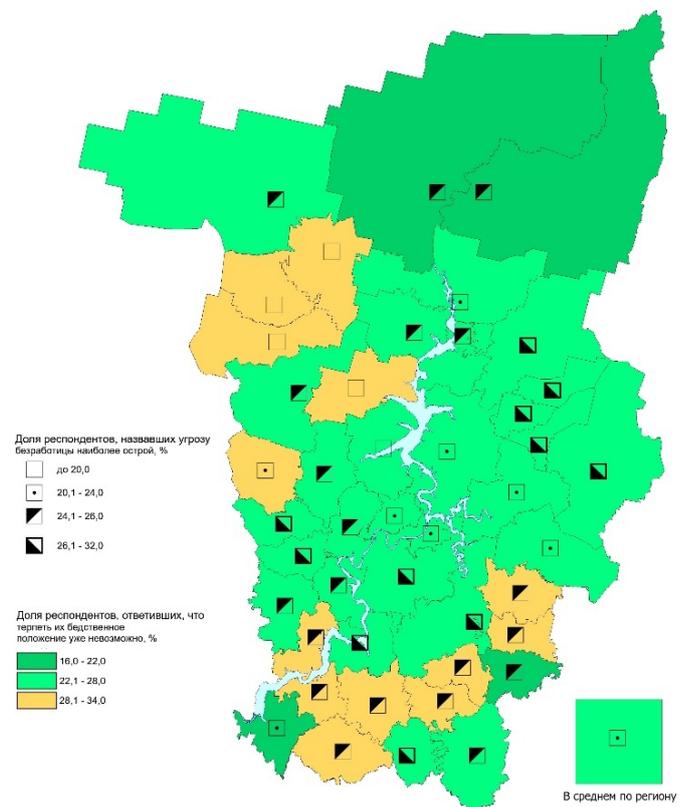

Рис. 3. Показатели социального самочувствия населения Пермской области, 2003 г.

Fig.3. Indicators of social well-being of the population of the Perm region, 2003

Исследования, проведенные десятью годами позже, с одной стороны, показали существенное снижение социальной напряженности (доля респондентов, испытывающих крайне бедственное положение, снизилась в 2 раза), с другой – выявили смещение проблемных зон на аграрные территории – в южные сельскохозяйственные районы Пермской области. Резко дифференцировалось и восприятие остроты проблем, определяющих социальное самочувствие. Так, результаты опросов 2003 г. демонстрируют озабоченность жителей сельских территорий, в первую очередь, проблемами занятости,

Экономическая, социальная и политическая география
Балина Т.А., Столбов В.А.

а для населения урбанизированных регионов доминирующим фактором являлся рост преступности (рис. 3). Значительно меньшую озабоченность прикамцев вызывало состояние окружающей среды. Экологическая ситуация в большей степени волновала (около 10% респондентов) жителей горнозаводской части области и Пермской агломерации.

В 2020 году по Гранту РФФИ¹ в Пермском крае были проведены социологические исследования по широкому спектру вопросов, в том числе по проблемам социального самочувствия населения. В опросе приняли участие почти 2,5 тыс. чел., проживающих в разных муниципалитетах Прикамья. Анализ результатов выявил значительные территориальные различия по ряду показателей (рис. 4). Четко выделились «острова благополучия», представленные высокоразвитыми индустриальными территориями, и периферийные регионы, не способные обеспечить населению достойный уровень жизни. Сформировалась и группа достаточно благополучных муниципалитетов, обладающих развитой индустриально-аграрной экономикой и, по-видимому, успешно сочетающих позитивные черты городской и сельской жизнедеятельности. Весьма необычной определилась и территориальная интерпретация таких специфических черт социального самочувствия, как «удовлетворенность жизнью» и «ощущение счастья». Они достаточно спорно коррелируют с показателями уровня жизни.

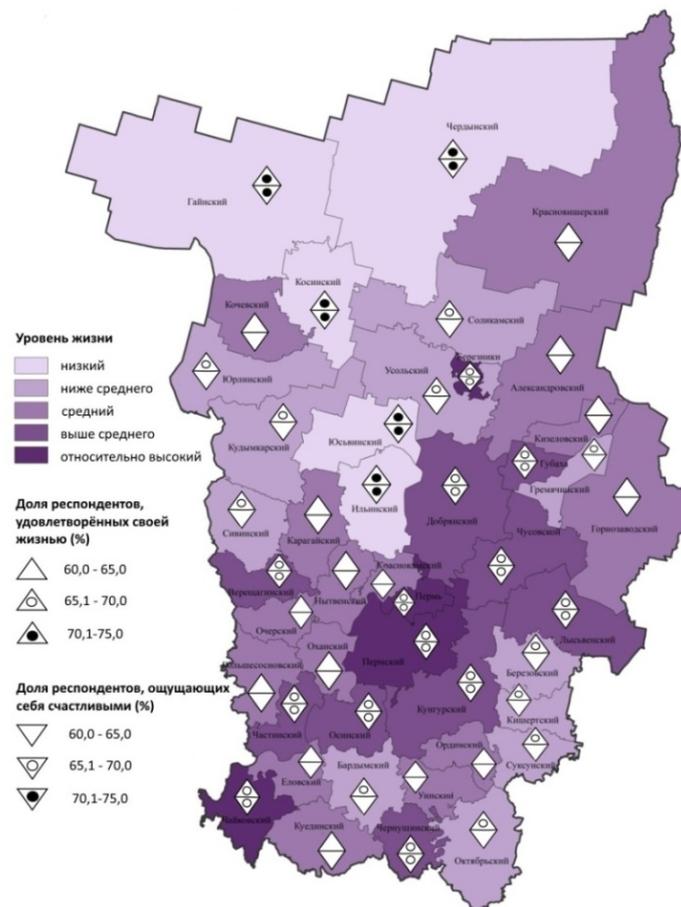

Рис. 4. Показатели социального самочувствия населения Пермского края, 2020г.
Fig. 4. Indicators of social well-being of the population of the Perm region, 2020

Интересно то, что опросы проводились в начале пандемии, которая внесла серьезные коррективы в традиционный жизненный уклад, и, казалось бы, должна была негативно повлиять на социальное самочувствие населения. Но результаты опроса показали довольно

¹«Межпоколенная динамика культуры: территориальный разрез» (грант РФФИ №18-011-00548)

оптимистичный настрой жителей края. Для детализации данных исследований в апреле 2021 г. было проведено дополнительное социологическое исследование, в котором приняли участие почти 500 чел. Один из наиболее важных вопросов, отражающих социальное самочувствие, был сформулирован следующим образом: «С какими чувствами Вы думаете о завтрашнем дне?».

Отметим, что 38% респондентов затруднились дать ответ, что, возможно, объясняется пандемией и сложной экономической ситуацией. Но из тех, кто ответил на данный вопрос, лишь четверть настроены пессимистически. Большинство же участников опроса проявили так называемый социальный оптимизм, показав достаточно высокую степень уверенности в своем будущем, в безопасности своих близких, материальном благополучии и пр.

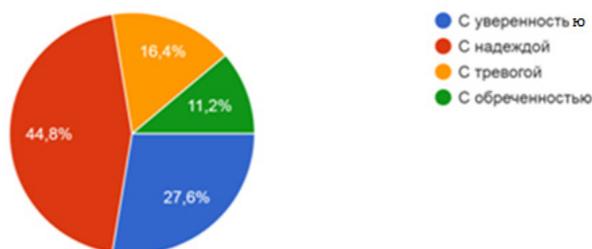

Рис. 5. Распределение ответов респондентов на вопрос об оценке перспектив своего будущего, 2021 г.
Fig. 5. Distribution of the respondents' answers to the question concerning assessment of their future prospects, 2021

Выводы

В решении актуальных проблем при разработке и реализации государственной и региональной политики важную роль должна играть география. Наряду с развитием традиционных знаний, на стыке старых и новых дисциплин открываются новые, во многом непривычные области познания. К числу таких наук относится и одна из наиболее молодых ветвей древней географии – поведенческая география, позволяющая рассматривать общественные процессы и явления как сквозь призму интересов социума, так и индивида. Опираясь на богатый опыт культурной, когнитивной, гуманитарной и прочей географии, данная ветвь науки обладает богатым арсеналом методов и подходов, среди которых особое место занимают социологические.

В рамках данного исследования рассмотрено социальное самочувствие населения как индикатор состояния территориальной общности людей. Этот и многие другие показатели качества жизни населения отображают не только физическое и социальное благополучие человека, его положение в обществе, здоровье, счастье и др., но и успехи экономического развития, возможности государства реализовать свою главную цель – создать максимально комфортные условия для долгой и плодотворной жизни своим гражданам. Показатели социального самочувствия задают направление политики государства по обеспечению достойной жизни людей.

Отношение людей ко всему происходящему в обществе, экономике, политике оказывает воздействие на их поведение и играет важную роль в формировании социальной ситуации. Оценка настроений территориальных групп населения позволяет выявить важные проблемные аспекты, на которые необходимо оперативно реагировать органам власти и конструировать эффективную региональную политику.

Список источников

1. Алексеев А.И. Многоликая деревня (население и территория). М.: Мысль, 1990. 266 с.
2. Балина Т.А., Шарыгин М.Д., Пономарева З.В. Территориальная общность людей как пространственная форма организации жизни населения // Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика: сб. науч. ст. Смоленск, 2016. С. 66–74.
3. Балина Т.А. Социальный мониторинг как инструмент диагностики социальной ситуации региона // Территория и общество: Межд. сб. науч. тр. / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2001. С. 55–63.

Экономическая, социальная и политическая география

Балина Т.А., Столбов В.А.

4. Бурко В.А. Социальное самочувствие в условиях трансформации российского общества (региональный аспект): дис.... канд. соц. наук. Пермь, 2000. 233 с.
5. Географический энциклопедический словарь. Понятия и термины. М.: Советская энциклопедия, 1988. 431 с.
6. Губернаторов Е., Старостина Ю. Росстат впервые назвал число ведущих здоровый образ жизни россиян. URL: <https://www.rbc.ru/society/08/11/2019/5dc41d349a7947456b9d9bca> (дата обращения: 13.05.2022).
7. Дружинин А.Г., Стрелецкий В.Н. «Культурная составляющая» общественной географии в современной России: генезис, особенности и приоритетные направления развития // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2015. № 1. С. 5–20.
8. Замятин Д.Н. Гуманитарная география: основные направления, категории, методы и модели // Культурная и гуманитарная география. 2012. Т. 1. № 1. С. 11–26.
9. Замятина Н.Ю. Когнитивная география: предмет и основные понятия // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран / под ред. А.С. Фетисова, И.С. Ивановой, И.М. Кузиной. М.: Смоленск, 2009. С. 57–69.
10. Замятин Д.Н., Замятина Н.Ю., Митин И.Ю. Моделирование географических образов историко-культурной территории: методологические и теоретические подходы. М.: Изд-во Института наследия, 2008, 759 с.
11. Касьянов С., Горельщикова М. Социальное самочувствие населения: закономерности и механизмы // Стандарты и качество в психологии. 2020. № 2. С. 80–82.
12. Курьшиова Л.Н., Федосеева М.В. Факторы социального самочувствия населения региона // Огарёв-online. 2020. № 9.
13. Kirk W. Problems of geography // Geography. 1963. № 48. P. 357–371.
14. Кузнецова Е. Доля ведущих здоровый образ жизни россиян уменьшилась в пандемию, но сократилось и число антизожников. URL: <https://www.rbc.ru/society/08/07/2021/60e452749a794722f7e8612a> (дата обращения: 14.05.2022).
15. Левин К. Теория поля в социальных науках. СПб.: Речь, 2000. 364 с.
16. Новиков А.Н. Тринитарно-фрактальная структура географических наук // География и природные ресурсы. 2022. Т. 43. № 1. С. 164–171.
17. Осинский И.И., Бутуева З.А. Социальное самочувствие: понятие, факторы формирования и показатели измерения // Вестник Бурятского государственного университета, 2015. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-samochuvstvie-ponyatie-factory-formirovaniya-i-pokazateli-izmereniya/viewer> (дата обращения: 22.05.2021).
18. Парсонс Т. Американская социология: Перспективы. Проблемы. Методы. М.: Прогресс, 1972. 392 с.
19. Рагулина М.В. Подходы поведенческой временной географии в исследовании этносоциальных трансформаций (на примере звенков тайги) // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. № 10. С. 16–18.
20. Столбов В.А. География и проблемы современности: взгляд с позиции метагеографии // XII научная Ассамблея ассоциации российских географов-обществоведов (АРГО). Ижевск, 2021. С. 371–376.
21. Столбов В.А., Шарыгин М.Д. Поведенческая география: учеб. пособие / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2009. 350 с.
22. Стрелецкий В.Н. Концепт культурного ландшафта в мировой культурной географии: научные истоки и современные интерпретации // Человек: образ и сущность. 2019. № 1(36). С. 48–78.
23. Уайт Г. География, ресурсы и окружающая среда. М.: Прогресс, 1990. 544 с.
24. Файбусович Э.Л., Мартынов В.Л. В огороде бузина, а в Киеве дядька (к вопросу о предмете общественно-географических исследований) // Теория социально-экономической географии: современное состояние и перспективы развития: мат. Межд. науч. конф. (Ростов-на-Дону, 4-8 мая 2010 г.). Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2010. С. 266–269.
25. Ткаченко А.А. Территориальная общность в региональном развитии и управлении. Тверь, 1995. 155 с.
26. Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989. 840 с.
27. Черкашина Т.Ю. Субъективное качество жизни населения: интегральная оценка и частные индикаторы // Регион: экономика и социология. 2006. № 3. С. 97–110.
28. Шпак Г.В. Репрезентации образов пространства и прошлого в контексте когнитивных наук: когнитивные карты, места памяти, межрепрезентационные сети // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. № 8(106).
29. GCHW. URL: http://www.Globalhealthyworkplace.org/casestudies/2016_Global_wellbeing_Survey_Executive-Summary.pdf (дата обращения: 10.03.2020).
30. World Happiness Report. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/world-happiness-report/info> (дата обращения: 12.05.2019).

References

1. Alekseyev, A.I. (1990), *Mnogolikayaderevnyaya (naseleniyel erritoriya)*, Mysl', Moscow, Russia.
2. Balina, T.A., Sharygin, M.D., Ponomareva, Z.V. (2016), Territorial community of people as a spatial form of organizing the life of the population, *Socio-economic geography: history, theory, methods, practice: Sat. scientific Art*, pp. 66–74, Smolensk, Russia.
3. Balina, T.A. (2001), Social monitoring as a tool for diagnosing the social situation in the region, *Territory and society. Interdepartmental collection of scientific papers*, Perm, pp. 55–63 [In Russian].
4. Burko, V.A. (2000), *Sotsial'noye samochuvstviye v usloviyakh transformatsii rossiyskogo obshchestva (regional'nyy aspekt)*, Dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata sotsiologicheskikh nauk, Perm, 233 p. [In Russian].
5. Geographic encyclopedic dictionary (1988), *Concepts and Terms*, Soviet Encyclopedia [In Russian].
6. Gubernatorov, E., Starostina, Yu. (2022), Rosstat for the first time named the number of Russians leading a healthy lifestyle, available at: <https://www.rbc.ru/society/08/11/2019/5dc41d349a7947456b9d9bca>. (Accessed 13 May 2022).
7. Druzhinin, A.G., Streletsky, V.N. (2015), "Cultural component" of social geography in modern Russia: genesis, features and priority areas of development, *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Geographic series*, no. 1, pp. 5–20.
8. Zamyatin, D.N. (2012), Humanitarian geography: main directions, categories, methods and models, *Cultural and humanitarian geography*, vol. 1, no. 1, pp. 11–26.
9. Zamyatina, N.Yu. (2009), Cognitive geography: subject and basic concepts, *Issues of economic and political geography of foreign countries*, Moscow; Smolensk, p. 57–69 [In Russian].

Экономическая, социальная и политическая география

Балина Т.А., Столбов В.А.

10. Zamyatin, D.N., Zamyatina, N.Yu., Mitin, I.Yu. (2008), Modeling of geographical images of historical and cultural territory: methodological and theoretical approaches, Heritage Institute, Moscow, Russia.
11. Kasyanov, S., Gorelysheva, M. (2020), Social well-being of the population: Patterns and mechanisms, *Standards and quality in psychology*, no. 2, pp. 80–82 [In Russian].
12. Kuryshova, L.N., Fedoseeva, M.V. (2020), Factors of social well-being of the population of the region, *Ogaryov-online*, no. 9 [In Russian].
13. Kirk, W. (1963), Problems of geography, *Geography*, № 48, pp. 357–371.
14. Kuznetsova, E. The share of Russians leading a healthy lifestyle has decreased during the pandemic, but the number of anti-eating people has also decreased, available at: <https://www.rbc.ru/society/08/07/2021/60e452749a794722f7e8612a>. (Accessed 14 May 2022) [In Russian].
15. Levin, K. (2000), Field theory in the social sciences, St. Petersburg: Rech [In Russian].
16. Novikov, A.N. (2022), Trinitarian-fractal structure of geographical sciences, *Geography and natural resources*, vol. 43, no. 1, pp. 164–171 [In Russian].
17. Osinsky, I.I., Butueva, Z.A. (2015), Social well-being: the concept, factors of formation and measurement indicators, *Bulletin of the Buryat State University*, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-samochuvstvie-ponyatie-factory-formirovaniya-i-pokazateli-izmereniya/viewer> (Accessed 22 May 2021) [In Russian].
18. Parsons T. (1972), American Sociology: Perspectives. Problems. Methods, Progress, Moscow [In Russian].
19. Ragulina, M.V. (2017), Approaches of behavioral temporal geography in the study of ethno-social transformations (on the example of the Evenks of the taiga), *Society: sociology, psychology, pedagogy*, no. 10, pp. 16–18 [In Russian].
20. Stolbov, V.A. (2021), Geography and problems of the present: a view from the position of metageography, *XII Scientific Assembly of the Association of Russian Social Geographers (ARGO)*, Izhevsk, pp. 371–376 [In Russian].
21. Stolbov, V.A., Sharygin, M.D. (2009), Behavioral geography: textbook, Benefit. Perm. state un-t. Perm [In Russian]
22. Streletsky, V.N. (2019), The concept of cultural landscape in world cultural geography: scientific origins and modern interpretations, *Man: image and essence*, no. 1(36). pp. 48–78 [In Russian].
23. White, G. (1990), Geography, resources and environment, Progress, Moscow [In Russian].
24. Tkacyenko, A.A. (1995), Territorial community in regional development and management, Tver [In Russian].
25. Faibusovich, E.L., Martynov, V.L. (2010), Elderberry in the garden, and uncle in Kyiv (on the subject of socio-geographical research), *Theory of socio-economic geography: current state and development prospects*. Proceedings of the International Scientific Conference (Rostov-on-Don, May 4–8, 2010), Publishing House of the Southern Federal University, pp. 266–269 [In Russian].
26. Philosophical encyclopedic dictionary (1989), Soviet Encyclopedia, Moscow, Russia.
27. Cherkashina, T.Yu. (2006), Subjective quality of life of the population: integral assessment and private indicators, *Region: Economics and Sociology*, no. 3, pp. 97–110.
28. Shpak, G.V. (2021), Representations of images of space and the past in the context of cognitive sciences: cognitive maps, places of memory, *Inter-representational networks Istoriya*, vol. 12, no. 8(106) [In Russian].
29. GCHW, available at: http://www.Globalhealthyworkplace.org/casestudies/2016_Global_wellbeing_Survey_Executive-Summary.pdf (Accessed 10 March 2020).
30. World Happiness Report, available at: <https://gtmarket.ru/ratings/world-happiness-report/info> (Accessed 12 May 2019).

Статья поступила в редакцию: 07.07.2022; одобрена после рецензирования: 07.12.2022; принята к опубликованию: 06.03.2023.

The article was submitted: 7 July 2022; approved after review: 7 December 2022; accepted for publication: 6 March 2023.

Информация об авторах

Information about the authors

Татьяна Анатольевна Балина

кандидат географических наук, доцент кафедры социально-экономической географии, Пермский государственный национальный исследовательский университет; 614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Tatiana A. Balina

Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor, Department of Socio-Economic Geography, Perm State University; 15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia

e-mail: t_balina@mail.ru

Вячеслав Алексеевич Столбов

кандидат географических наук, доцент кафедры социально-экономической географии, Пермский государственный национальный исследовательский университет; 614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Vyacheslav A. Stolbov

Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor, Department of Socio-Economic Geography, Perm State University; 15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia

e-mail: Stolbov210857@mail.ru

Вклад авторов

Балина Т.А. – сбор и обработка материала, написание статьи.

Столбов В.А. – идея, теоретическое обоснование, научное редактирование материала.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Contribution of the authors

Tatiana A. Balina– collecting the materials; data processing; writing of the article; editing of the maps.

Vyacheslav A. Stolbov– the idea; theoretical substantiation; scientific editing of the material.

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.